

О БИОГРАФИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ (Опыт анализа)

Автор: С. Е. ШЛЯПНИКОВ

ШЛЯПНИКОВ Сергей Евгеньевич - соискатель кафедры социологии философского факультета Томского государственного университета (E-mail: spesnaz-s@bk.ru).

Аннотация. В статье реализуется попытка определить понятия биографического кризиса и биографического времени на примере жизни и опыта жителей закрытых административно-территориальных образований.

Ключевые слова: время * биографическое время * биографический кризис

Одной из базовых характеристик личности является биографическое время. Тот опыт, который был накоплен человеком ранее, по тем или иным причинам переосмысливается, уточняется и даже обесценивается, а новый, который обеспечил бы ему стабильность и адаптацию, часто еще не приобретен [1]. Такая ситуация в рамках концепции времени Е. И. Головахи и А. А. Кроника интерпретируется как биографический кризис, то есть, нарушение в сознании человека определенной последовательности событий [Цит. по 2, с. 10]. Этот кризис связан с тем, что социальный порядок задаёт формы организации биографического времени, которые реализуются в индивидуальном жизненном пути человека с тем или иным отклонением, определяемым уникальностью обстоятельств жизненной ситуации и свободной волей человека.

Особый интерес представляет изучение этого феномена в рамках закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) как специфических социальных образований, в которых располагаются объекты атомного и военно-промышленного комплекса. Данные города всегда находились в более привилегированном положении, имели отдельный бюджет, но в связи с социально-экономическим кризисом их жители оказались дезориентированы в новых условиях. Достаточно долго в этих городах сохранялись социальные отношения, характерные для советских времен, равно как и попытки стабилизировать свое положение путем сохранения определенного статус-кво.

Для выявления типичных структур биографического времени жителей ЗАТО в июне 2008 г. проведено исследование в г. Северске - типичном городе атомной отрасли со 120-тысячным населением. Опрошено 500 жителей с высшим и средним специальным образованием (70% женщин, 30% мужчин) в возрасте от 30 до 50 лет. Сознание и жизненные практики данной группы респондентов формировались еще до перестройки, поэтому, как предполагалось, структура их биографического времени наиболее деформирована. Исследование проводилось с применением исследовательской методики "каузометрия". Она представляет собой вариант глубинного интервью, предназначенный для изучения особенностей структуры биографического времени [3]. Респонденту предлагалось составить список из 15 событий прошлого, настоящего

и будущего, которые он считает для себя наиболее значимыми. По двум специальным шкалам он должен определить свое субъективное отношение к событию ("негативное - позитивное") и оценить его удаленность от настоящего времени ("давно - недавно"). Затем ему предлагалось определить, есть ли взаимосвязь между названными им событиями по принципу "цель - средство" и "причина - следствие", а также к какой сфере жизни относятся события - "семья", "работа" и т.д. В исследовании использовался вариант методики, валидизированный в 2001 г. на базе кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ. В результате методом факторного анализа было выявлено два фактора, которые можно интерпретировать как элементы личного и социального в биографическом времени, присутствующие в сознании жителей ЗАТО.

Первый фактор - "**Мое время**". Составляет 53,1% общей дисперсии и является ведущим. Респонденты напрямую соотносят повышение материального благосостояния и социального статуса с личными достижениями, например, получением образования. Следует отметить, что проявление личной активности респонденты не связывают с участием в социальных проектах и программах, реализуемых государством, которые также предполагают наличие у граждан активной жизненной позиции и продуктивных жизненных стратегий. Это говорит о том, что предлагаемые государством формы активности не соответствуют установкам, характерным для жителей ЗАТО, и в достижении жизненных целей они полагаются исключительно на свои личностные ресурсы.

Коэффициенты факторной нагрузки для событий фактора "Мое время" оказались следующими: повышение статуса - 0,96; события, связанные с учебой - 0,77; служба в армии - 0,48; событие, связанное с семьей - 0,22; болезнь родственника - 0,19; смена места работы - (-0,29); получение жилья - (-0,78); смена места жительства - (-0,94).

Кроме того, изменение своего социального статуса многие респонденты связывают именно с переездом в ЗАТО, что подтверждает гипотезу о том, что данная социально-территориальная общность обладает, как уже отмечалось, специфическими условиями для социализации. То, что такое событие как смена места жительства находится на полюсе, противоположном повышению статуса, позволяет предположить, что переезд не способствовал его повышению. Также негативно оцениваются и работа, и жилье, полученные респондентами в результате переезда. События, представленные в факторе, тем не менее, имеют преимущественно положительную окраску. Только болезнь родственников оценивается как негативное. Интересно, что респонденты, как правило, не включают такое событие в категорию семейных. Можно предположить, что таким образом они стараются "отгородиться" от проблем родственников, не принимают реальность произошедших событий - *"Это происходит не со мной и не с моей семьей"*.

Центральными событиями, с которыми коррелируется наибольшее количество связей, являются "смена места жительства" и "события, связанные с учебой". Именно с ними, по мнению респондентов, произошли наиболее серьезные перемены в их жизни. Меньше всего связей отмечается с "болезнью родственника", что еще раз подтверждает гипотезу о стремлении уклониться от решения проблем своих близких.

Второй фактор - "**Не мое время**" (составляет 41,9% общей дисперсии). Переменные данного фактора имеют отрицательную эмоциональную нагрузку и для респондентов представляются как фрустрирующие, а потому вытесняемые сознанием события. Они не имеют связей с личными, вошедшими в фактор "Мое время"; соответственно, период, когда в нашей стране имели место данные события, как бы "выпал" из структуры биографического времени респондентов, что не позволяло им однозначно воспринимать социальную реальность. Как отмечают Ахмеров и Кроник, события, которые воспринимаются человеком как травмирующие, не могут быть включены в структуру его биографического времени и в значительной мере деформируют ее.

Коэффициенты факторной нагрузки для событий фактора "Не мое время" представлены следующими: Путин - президент - 0,38; теракты в Чечне - 0,36; дефолт - 0,23; Ельцин - президент - 0,20; путч 1991 года - 0,14; пионерское движение - 0,15; монетизация - (-0,20); реформа ЖКХ - (-0,45). В качестве события, положительно повлиявшего на жизнь респондентов, воспринимается только пионерское движение.

В этой социальной группе, как отмечают респонденты, они чувствовали себя уверенными, находящимися под защитой коллектива. В современных условиях, когда роль коллектива снизилась и на первое место вышли индивидуальные деловые качества, респонденты испытывают значительные затруднения. Следует отметить, что присутствие в данном факторе событий, имеющих отношение к серьезным социальным и экономическим кризисам, дает основание предположить, что в нестабильной социальной ситуации осуществляется разрыв социального и индивидуального времени в сознании жителей, что приводит к маргинализации и субъективному отторжению социальной реальности, не позволяет эффективно осуществлять какую-либо деятельность.

Таким образом, обеспечение социальной идентичности личности в российских условиях является особенно острой проблемой. Первоначальная ценностная дезориентация российского общества начала 1990-х выразилась в оценках настоящего как "безвременья", "смутного времени". Кризис идентичности сменился расколом общества на социальные группы, которые не смогли адаптироваться к социально-экономическим трансформациям, ориентированы на прошлое, считают настоящее "не своим" временем (цель - выживание), и группы, которые в той или иной мере адаптировались к переменам, приняли их как "свое время" (ориентированные на достижительность). Представления о прошлом и будущем также служат механизмами идентификации: для одних они выступают объектами компенсаторных проекций, для других - навязанным, чужим временем. Различия во временной ориентации, в образах времени, в толковании анахроничности и современности между возрастными, классовыми, социально-политическими, религиозными и этническими группами российского общества затрудняют преодоление аномии, формирование рациональных ценностей и социальных норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Banerjee N.* Modernisation and marginalization // *Social scientist*. Trivandram, 1985. Vol. 13. P. 149 - 150.
2. *Ахмеров Р. А.* Биографические кризисы личности: Дисс. канд. психол. н. Москва, 2001.
3. *Кроник А. А., Головаха Е. И.* Психологическое время личности. Киев, 1984.